

Никита Светлаков

ПОСЛЕДНИЙ
ЭГОИСТ

Никита Светлаков

Последний эгоист

<https://litres.ru/73847901>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где отказ от помощи считается симптомом, а биологическим законом стала эмпатия, Алексей учится выживать. Он притворяется, улыбается, уступает место в транспорте — и ждёт. Но система не терпит аномалий. За ним охотятся — не для того, чтобы наказать, а чтобы помочь. Лечить. Сделать таким, как все.

Потому что забота здесь — высшая форма насилия.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Шум белого шума	9
Глава 2. День первый. Странная тишина	17
Глава 3. Десять ложных следов	26
Глава 4. День третий. Чужой среди своих	35
Глава 5. День четвёртый. Обзвон	55
Глава 6. День пятый. Колония строгого режима	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Никита Светлаков

Последний эгоист

Пролог

Оно не было светом в привычном понимании. Оно лишь притворялось им.

Частица мчалась сквозь вакуум, игнорируя предельную скорость вселенной.

Для нее пространство не было препятствием, а время не имело значения.

Она несла в себе код, записанный не в битах, а в самой структуре материи. Девятьсот семьдесят три года пути сократились для нее в мгновение ока.

Она не искала планету. Она искала звезду.

Солнце встретило гостью своим притяжением. Для обычного фотона это стало бы лишь легким искривлением траектории. Но для этой частицы гравитационный колодец звезды был не препятствием, а ключом.

Когда расстояние до поверхности уменьшилось до критической отметки, сработал триггер. Гравитационное давление активировало скрытый механизм. Частица перестала быть

точкой. Она развернулась.

За долю секунды микроскопический объект трансформировался в излучающий модуль. Это не было взрывом. Это было раскрытие, подобное тому, как цветок распускает лепестки навстречу солнцу. Только вместо лепестков — поля направленного воздействия.

Модуль стабилизировался в короне звезды, используя ее энергию как батарею. Он навелся.

Цель: третья планета системы.

Задача: модификация сознания биологических носителей.

Статус: выполнение.

Излучение покинуло модуль со скоростью света. Оно было невидимым, неосязаемым для приборов, измеряющих радиацию. Оно было настроено на частоту человеческой нейронной активности, но несло в себе задержку. Программный код не запускался мгновенно. Ему требовалось время на интеграцию.

Путь от Солнца до Земли занял восемь минут.

Полет от края галактики до Солнца — столетия.

Но настоящая работа должна была начаться позже.

Наземная обсерватория «Зенит» располагалась высоко в горах, где воздух был разрежен и прозрачен. Здесь, среди снежных пиков, телескопы слушали тишину космоса.

Внутри купола пахло горной свежестью и серверами. Док-

тор Харрис сидел перед пультом управления радиотелескопа, направленным в сторону Солнца. Рядом стояла Анна Чен, его ассистентка, держа в руках планшет с графиками.

— Вижу аномалию, — сказал Харрис. Его голос был ровным, профессиональным. — Всплеск в широком спектре. Но источник... будто внутри самой звезды.

— Внутри звезды не может быть источников излучения такого типа, — ответила Анна, быстро проверяя данные. — Это же не вспышка. У нее структура.

— Какая структура?

— Модулированная. Смотрите.

На экране пульсировала волна. Она не была хаотичной, как солнечный ветер. Она была ритмичной. Математически выверенной.

— Это не природа, — произнесла Анна. В ее голосе не было благоговения. Только холодный анализ. — Кто-то использовал Солнце как ретранслятор.

— Как ретранслятор? — Харрис быстро набрал команду на клавиатуре. — Откуда сигнал?

— Не откуда. Через что. Сигнал прошел сквозь гравитационный фокус звезды. Кто-то отправил ключ, Солнце его повернуло, и замок открылся.

Харрис нахмурился. Тревога была привычной, рабочей. Не экзистенциальной.

— Зафиксировать направление. Куда идет луч?

— На Землю, — ответила Анна. — Прямо на нас.

В ту же секунду приборы зафиксировали пик. Стрелки дернулись и замерли.

— Радиационный фон? — спросил Харрис.

— В норме, — ответила Анна, сверяясь с датчиками. — Никакой ионизации. Никакого гамма-излучения. Это что-то другое. Низкочастотный спектр.

— Запиши все данные. Полное резервирование. Отправляй отчет в Центр стратегических исследований.

— Есть.

Они работали быстро, слаженно — обычные люди, внимательные, скептические. Харрис волновался за репутацию обсерватории, Анна переживала, чтобы не потерять пакеты данных.

— Что это может быть? — спросил Харрис, откидываясь на спинку кресла. Он потерял виски. Голова немного гудела, но он списал это на усталость.

— Не знаю, — Анна сохранила файл и закрыла программу. — Нужно время на анализ. Возможно, какой-то неизвестный тип солнечной активности.

— С модуляцией? — усмехнулся Харрис.

— Может, ошибка оборудования. Проверим утром.

Они не стали отправлять тревогу в ООН. Не стали поднимать панику. Это была просто рабочая ночь. Еще одна аномалия в журнале наблюдений.

Харрис выключил основные мониторы.

— Поехали вниз. Мне нужен зеленый чай и сон.

— Мне тоже, — согласилась Анна. — Завтра разберемся.

Они вышли из купола. Ночь была холодной и ясной; звезды горели ровно.

Излучение уже прошло сквозь атмосферу. Оно осело невидимым слоем, проникая в почву, в здания, в тела. Но триггер молчал.

Программа ждала.

Ей нужно было время, чтобы переписать код — не сразу, постепенно. Как ржавчина, разъедающая металл. Как болезнь, инкубационный период которой скрыт за обычным самочувствием.

Глава 1. Шум белого шума

Сканер штрих-кода взвизгнул, принимая очередную упаковку. Звук был коротким, режущим — от него закладывало уши к концу смены. Алексей ненавидел этот писк, но уже давно перестал замечать. Как перестают замечать тиканье часов или гул холодильника.

— Это точно последняя цена? — Женщина в слишком ярком пиджаке в третий раз переворачивала коробку с кофемашиной. Инструкция была одинаковой со всех сторон, но она продолжала искать, будто надеялась найти скрытый текст, который сделает товар бесплатным.

— Да, Мария Ивановна. — Алексей говорил ровно, без эмоций. Год назад он еще пытался добавлять в голос теплоту. Сейчас это казалось бессмысленной тратой энергии. — Акция действует до конца недели. Карта лояльности даст еще пять процентов.

— А доставку можете сделать бесплатной? В прошлый раз взяли пятьсот рублей.

— Доставка оплачивается отдельно. Это условия сервиса. Женщина вздохнула с таким надрывом, словно он лично перекрыл ей кислород. Алексей улыбнулся — той самой вымученной улыбкой, которую три года назад тренировал перед зеркалом, когда устраивался продавцом-консультантом. Тогда она была фальшивой. Сейчас просто окаменела на ли-

це, превратившись в гипсовую маску.

— Ладно, — махнула рукой покупательница. — Я подумаю.

Она ушла, не сказав «спасибо». Алексей проводил ее взглядом до выхода. Вокруг гудел торговый центр. Люди сновали между рядами телевизоров и холодильников, как муравьи в разоренном муравейнике. Все куда-то спешили, все были чем-то недовольны. Нормальный день.

— Леш, ты опять заглянул? — Голос старшего смены выдернул из оцепенения. Игорь стоял в проходе, постукивая пальцем по часам. — Возврат по чеку 705 с утра висит. Оформи уже, люди ждут.

— Иду.

Работа в РТС была нервной. Каждый день одно и то же: вранье о характеристиках, споры о гарантии, агрессия людей, которые считали, что их жизнь не сложилась из-за плохого тостера. Иногда Алексею казалось, что он стоит на конвейере, где вместо деталей — чужие проблемы.

Телефон в кармане завибрировал. Он знал, кто это, еще до того, как достал.

«Ты опять забыл купить хлеб. И не звонишь. Мне кажется, тебе плевать. Если не придешь вовремя, можешь не приходить вообще».

Катя.

Алексей сунул телефон обратно, даже не дочитав до кон-

ца. Третье сообщение за час. Два года отношений, и последние полтора из них он чувствовал себя сапером на минном поле. Любое слово — взрыв. Любое опоздание — катастрофа. Любое «нет» — предательство. Он научился выживать: кивать, соглашаться, врать.

Пальцы сами набрали ответ: «Извини, задержусь. Куплю хлеб. Люблю».

Ложь. Автоматическая защитная реакция. Он даже не задумался, прежде чем отправить.

Вечером, когда смена закончилась, Алексей не пошел домой. Он свернул к серому зданию клинического центра на окраине. Здесь пахло хлоркой и старой бумагой — запах казенных учреждений, где люди становятся просто номерами в очереди. В регистратуре женщина в очках проверила документы, даже не подняв глаз.

— Кабинет 34. Врач ждет.

Это была его тайная подработка. Тестирование препаратов. Сначала витамины, потом антигистаминные. Сегодня новый этап — платили больше обычного, но бумаг о неразглашении было в два раза больше. Деньги были нужны. На подарок Кате, на кредит, на то, чтобы хоть раз почувствовать контроль над жизнью. Иллюзия контроля, но лучше, чем ничего.

В кабинете сидел мужчина с потухшим взглядом. Он листал папку, не поднимая взгляда.

— Алексей Викторович? Садитесь. Как самочувствие? Головные боли? Бессонница?

— Нервы, — честно признался Алексей. — Работа... семья.

— Понимаю. Стресс часто вызывает спазмы.

Врач открыл холодильник у стены, достал промаркированный контейнер, извлек блистер с единственной светло-желтой таблеткой.

— Экспериментальный анальгетик. Новое поколение. Действует быстрее ибупрофена, без вреда для желудка. Одна сейчас, вторая через двенадцать часов.

— Обезболивающее?

— Да. Но есть условия.

Врач протянул лист с мелким плотным шрифтом.

— Список запрещенных веществ на неделю. Никакого алкоголя. Никаких других лекарств. Даже витаминов. Особенно седативных. Любой сторонний агент может нейтрализовать эффект или вызвать аллергию.

Алексей пробежал глазами список. Аспирин, валерьянка, снотворное — всё под запретом.

— Если нарушите — данные теста аннулируются. Оплата не производится. В случае осложнений ответственность на вас. — Врач положил ручку на стол. — Вы готовы?

Алексей вспомнил кредит. Взгляд Кати. Цифры на счете, которые таяли быстрее, чем хотелось бы.

— Готов.

Он подписал, даже не дочитав мелкий шрифт. Проглотил таблетку, запил водой из кулера и вышел на улицу.

Небо было странным.

Он заметил это, когда ждал автобус. Обычно в это время года небо было либо черным, либо грязно-серым от смога. Сегодня оно отливало фиолетовым. Края туч горели лиловым, и это было красиво той холодной красотой, от которой хочется спрятаться.

Люди на остановке тоже смотрели вверх.

— Северное сияние, что ли? — парень в наушниках задрал голову.

— У нас-то? — фыркнула старушка. — Магнитные бури.

— По телевизору сказали — сигнал из космоса, — тихо произнесла девушка. — Инопланетяне.

Алексей усмехнулся. Инопланетяне. Ему бы свои проблемы решить.

Голова не прошла. Таблетка будто не работала — боль была не физической, а внутренней. Давящей. Вязкой.

Дома его встретила Катя. Руки скрещены на груди, взгляд ледяной. Классическая стойка обвинителя.

— Ты где был? — Она набирала воздух для крика. — Я звонила, ты не брал...

Алексей смотрел на нее и ждал привычного страха. Обычно в этот момент сердце начинало колотиться, ладони потели. Он готовился оправдываться, извиняться, прогибаться.

Но сегодня была только усталость. Тяжелая, свинцовая. Эмоции кончились, батарейка села в ноль.

— Я был на работе. Потом задержался.

Голос звучал ровно. Без оправданий. Не потому что он себя контролировал — сил на эмоции не осталось.

Катя моргнула. Она ждала сопротивления или униженных извинений. А тут была пустота. Сценарий ломался.

— Тебе плевать на мои чувства! — выкрикнула она, но в голосе не было прежней силы.

— Не плевать. Я устал, Катя. Голова болит.

Он прошел в ванную. Открыл шкафчик над раковиной. Там, за рядами гелей и тюбиков, стоял флакон с успокоительным. Старый запас, еще с тех времен, когда он лечил нервы в районной поликлинике.

Алексей достал его. В памяти всплыл голос врача: «Никаких других лекарств. Особенно седативных. Вы подписывали обязательство...»

Инструкция к экспериментальному препарату лежала в кармане куртки. «Не смешивать. Возможна непредсказуемая реакция».

Он посмотрел на пузырек. Потом прислушался к себе. Боль в висках пульсировала в ритме сердца. Катя за стеной гремела посудой, готовясь к новому витку ссоры. Он не мог. Не мог это слушать. Не мог снова чувствовать эту липкую тревогу.

— Плевать.

Он вытряхнул белую таблетку. Запил водой.

В ту же секунду за окном вспыхнул свет.

Не яркий. Не ослепляющий. Просто небо на мгновение стало фиолетовым — будто включили неоновую подсветку за облаками. Свет пробежал по стенам кухни, скользнул по лицу Алексея и погас.

Алексей не заметил. Химия делала свое дело. Анальгетик встретился с седативным.

В этот момент сквозь стены, сквозь тело, сквозь кровь прошло Излучение.

Оно коснулось мозга Алексея.

И оттолкнулось.

Сложная молекула, связанная седативным компонентом, создала временный барьер. Щит, которого не было ни у кого другого.

Алексей выдохнул. Тревога отступила. Не исчезла — стала далекой. Чужой. Будто он смотрел на свою жизнь через толстое стекло. Проблемы были там, за стеклом. А здесь, внутри, было пусто и тихо. Впервые за долгое время.

Он вернулся в комнату. Катя сидела на диване, листая ленту. Она попыталась завести старую пластинку обиды, но Алексей отвечал так ровно и мирно, что игла соскальзывала. Слова повисали в воздухе, не находя цели. Пластинка крутилась впустую.

В итоге она просто ушла спать. Хлопнула дверью спальни, но как-то вяло, без души — чуть тише, чем обычно.

Алексей остался на кухне. Сидел, глядя на стакан воды. За окном фиолетовое сияние пульсировало в ритме с сердцебиением.

По телевизору, который он забыл выключить, диктор говорил о всплеске солнечной активности.

«...ученые призывают сохранять спокойствие. Излучение не несет радиационной опасности...»

Алексей зевнул. Хотелось спать. Химия в крови гудела тихим фоном, успокаивая нервы.

Он знал, что нарушил протокол. Но даже не предполагал, что именно эта маленькая слабость — желание заглушить боль любым способом — спасла его. Он принял коктейль, который сделал его единственным человеком на планете, способным сказать «нет».

Алексей выключил свет. Лег на диван.

Завтрашний день должен был стать лучше. Он надеялся на это.

Он еще не понимал, что «лучше» — это самое страшное, что могло случиться.

Он просто закрыл глаза.

В тишине квартиры, под мерцание фиолетового неба, он был единственным, кто остался собой.

Пока что.

Глава 2. День первый.

Странная тишина

Алексей проснулся с тяжёлым вкусом во рту.

Первая мысль была неприятно привычной: «Вчера я снова накосячил». Вспомнился вечер, напряжённый взгляд Кати, хлопнувшая дверь спальни. Он приготовился к утреннему бою — к холодному завтраку, к колкостям, к необходимости извиняться за то, в чём не был виноват.

Вышел на кухню сторбившись, как виноватый школьник перед вызовом к доске.

Катя сидела за столом с телефоном. Перед ней стояла чашка кофе. Она подняла глаза. Алексей напрягся, ожидая удара.

— Доброе утро, — сказала она.

Голос был ровным. Без яда. Без демонстративного игнорирования. Просто констатация факта: утро, кофе, муж вышел.

— Доброе, — осторожно ответил Алексей. — Я... насчёт вчерашнего...

Катя поморщилась — но не зло. Скорее как человек, который пытается вспомнить содержание давно просмотренного фильма.

— Да ладно, Лёш. Не начинай. Я сама вчера была не в

духе. — Она помолчала, будто прислушиваясь к себе. — Странно, обычно я злюсь дольше. Наверное, ПМС.

Она вернулась к телефону.

Алексей замер. Это было не похоже на прощение. Это было похоже на безразличие к конфликту. Будто ссора потеряла для неё вес, стала незначительной, как вчерашний прогноз погоды. Обычно она держала обиду неделю, использовала каждое его слово как оружие, выискивала слабые места. Сегодня оружия не было. Склад разоружили.

— Будешь кофе? — спросила она, не глядя на него.

— Нет, спасибо. Я опаздываю.

— Возьми яблоко. Ты не завтракал.

Она протянула фрукт. Просто так. Без подтекста «ешь и молчи» или «я забочусь, а ты не ценишь». Алексей взял яблоко. Оно было холодным, с гладкой кожурой.

«Таблетки, — подумал он. — Наверное, мощный антидепрессант. Может, он на окружающих влияет? Бред».

Он списал всё на совпадение. На удачный день. На то, что у Кати просто хорошее настроение. Но где-то в животе зашевелился холодный червячок сомнения. Когда в последний раз у неё было хорошее настроение просто так, без причины? Он не мог вспомнить.

В троллейбусе было душно, как всегда.

Алексей втиснулся в переполненный салон. Он готовился к привычной давке, к борьбе за место у поручня. Но сегодня

кто-то наступил ему на ногу — тяжело, всем весом.

— Ой, простите! — Мужчина в сером пальто обернулся мгновенно. В его глазах не было страха или подобострастия — только искреннее сожаление. Не дежурное «извините», а настоящее, человеческое. — Я вас не ушиб? Сильно больно?

Алексей уже набрал воздух, чтобы огрызнуться. Нога болела, настроение было паршивым, он имел право на злость. Но мужчина смотрел так по-человечески. Будто ему действительно было дело до чужой боли.

— Ничего, — буркнул Алексей, сглатывая готовую сорваться грубость.

— Нет, правда, извините. Я задумался. С утра голова тяжёлая.

Мужчина отошёл, уступив место женщине с тяжёлой сумкой. Хотя сам выглядел уставшим не меньше её. Женщина благодарно кивнула, и они разошлись без привычного обмена колкостями.

Алексей прислонился к поручню.

Странно.

Люди были вежливыми. Не показательно, не так, будто их заставили. А как-то естественно. Словно уровень шума в головах у всех снизился на пару децибел. Словно исчез внутренний голос, который всегда шептал: «А мне-то что с этого?»

Он достал телефон. Лента новостей пестрела привычным: политика, цены, погода. И только в самом низу мелькнуло

короткое сообщение, которое он сначала проглядел: «Геофизики фиксируют необычную магнитную бурю. Возможны перепады настроения у метеозависимых».

— Вот оно, — пробормотал Алексей. — Магнитная буря. Всё просто.

Он почти поверил в это. Почти успокоился.

В магазине РТС к обеду накопилось обычное напряжение. Пришла поставка — нужно было выкладывать товар. Игорь, старший смены, подошёл с коробкой в руках. Обычно в такое время он орал так, что слышно было в соседнем отделе сантехники. Голос у него был поставленный, командирский. Но сегодня Игорь просто спросил, без наезда:

— Ценники на вторую партию где?

Алексей напрягся. Приготовился оправдываться.

— Я ещё не успел, Игорь. Сначала разгрузил, потом покупатели пошли...

Игорь посмотрел на коробку. Потом на Алексея. В его взгляде не было привычного раздражения.

— Ладно, — вздохнул он. — Давай вместе сделаем. Я пока коробки распечатаю, ты клеишь. Быстрее управимся.

— Вместе? — переспросил Алексей, не веря ушам.

— Ну да. — Игорь потёр висок. — Что-то голова тяжёлая сегодня. Тоже давление, наверное. Ты не чувствуешь?

— Чувствую, — честно сказал Алексей.

— Вот и я. Выходные надо будет нормально отдохнуть, а

не пиво пить.

Они работали молча. Без привычного подгоняния, без фраз «ты чего копаешься» и «шевелись давай». Игорь не орал. И это было непривычно до дрожи.

Когда пришёл покупатель с возвратом неисправного чайника, Алексей приготовился к стандартной процедуре. Сейчас начнётся: «Это вы его уронили», «Гарантия не покрывает механические повреждения», «Вызывайте мастера, сами виноваты». Он уже открыл рот, чтобы выдать заученную фразу.

Мужчина лет пятидесяти начал было повышать голос:

— Это же брак! Я только вчера купил! Деньги на ветер!

Алексей открыл рот... но покупатель вдруг замолчал. Замер на секунду, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом потёр переносицу, поморгал и посмотрел на коробку уже без прежней злости. Злость ушла, оставив только пустоту.

— Знаете... — сказал он тише. — Не хочу я из-за чайника день портить. И вам, наверное, тоже. Вон у вас глаза красные, не выспались небось.

— Мы можем оформить возврат, — механически сказал Алексей, пытаясь вернуть ситуацию в привычное русло.

— Да ладно. — Мужчина махнул рукой. — Я сам почищу контакты. Может, отошло просто. Не стоит оно нервов. Извините, что повысил голос. Вы тут ни при чём. Бывайте.

Он ушёл. Алексей проводил его взглядом.

Это было неправильно. Люди не уходят без возврата. Люди не извиняются за то, что имеют право злиться. Люди не замечают чужие красные глаза. Алексей посмотрел на Игоря. Тот пожал плечами.

— Хороший мужик. Редкость сейчас.

Игорь сказал это так обыденно, будто ничего странного не произошло. Будто такие «хорошие мужики» попадались ему каждый день.

Вечером Алексей шёл домой пешком.

Он зашёл в супермаркет за хлебом. Очередь. Бабушка перед ним долго искала кошелёк, перебирая вещи в огромной сумке. Кассирша не вздохнула, не закатила глаза. Ждала терпеливо, улыбалась и спросила, не забыла ли бабушка пакет. Предложила бесплатный, если надо.

— У меня пенсия маленькая, — громко сказала бабушка, наконец найдя кошелёк. — Дорого всё.

— Мы понимаем, — ответила кассирша. — Главное, чтобы вы здоровы были. Сдачу не забудьте.

— Спасибо, милая.

Алексей вышел на улицу с батоном в руке. Его трясло. Не от холода — от липкого беспокойства.

Он достал телефон, набрал номер друга.

— Алло, Серёг? Ты как?

— Нормально, Лёш. Слушай, я сейчас не могу — помогаю соседу диван тащить. У него спина прихватила, а грузчиков

вызвать дорого.

— В девять вечера?

— Ну, он позвонил, сказал, что совсем плохо. Ладно, бывай, перезвоню.

Гудки.

Алексей убрал телефон. Сергей никогда не помогал соседу. Сергей был прагматиком, который считал, что у каждого своя жизнь и свои проблемы. А тут — «спина болит». Добровольно, поздним вечером.

«Магнитная буря, — снова вспомнил Алексей. — Ну да. Конечно».

Он зашёл в подъезд. Лифт не работал — опять чья-то забывчивость или поломка. Поднялся на пятый этаж пешком, тяжело дыша.

Катя открыла дверь сразу, будто ждала за дверью, прислушиваясь к шагам.

— Ты где был? — В голосе не подозрение — беспокойство. Настоящее, не наигранное.

— В магазине. Хлеб брал.

— Я волновалась. Ужин на столе, остыл уже. Разогреть?

— Сам разогрею.

Алексей прошёл в комнату. Сел на диван. Катя села рядом. Не через пять минут, не демонстративно в другой комнате, хлопнув дверью. Рядом. Близко. Тепло.

— Лёш, — тихо сказала она. — Ты какой-то нервный се-

годня. Весь сжатый. Что-то случилось на работе?

— Я в порядке.

— Нет. Ты не в порядке. Я же вижу.

Он посмотрел на неё. В её глазах не было той искры, которая обычно зажигалась, когда она находила его слабость. Не было желания доминировать, прижать к стенке, выбить признание. Она просто была рядом. И это пугало больше, чем вчерашний крик.

— Люди странные сегодня, — сказал он, сам не зная зачем.

— Какие люди?

— Все. В метро. В магазине. Соседи. Слишком добрые. Слишком правильные.

Катя посмотрела на него с лёгким недоумением.

— Разве это плохо?

— Это... необычно.

Она пожала плечами.

— Может, просто день такой. Выпей чая. Я ромашку заварила, успокаивает.

Алексей взял чашку. Чай был горячий, с мёдом — она знала, что он любит мёд. Раньше она делала чай только для себя.

Он пил и смотрел в окно. Город горел огнями. Обычный город. Обычные люди. Но Алексей чувствовал, как внутри растёт маленькое, холодное зерно страха.

Он вспомнил вчерашние таблетки. Ту, что дали в клинике. И ту, что он выпил дома, нарушив запрет. В памя-

ти всплыло слово из инструкции: «нейропротекторный эффект». Защита нейронов.

Защита от чего?

Мысль прокралась холодная и липкая: «А что, если защита сработала не для того, чтобы лечить? А для того, чтобы... не менять? Чтобы остаться собой, когда все вокруг меняется?»

Он ничего не сказал Кате. Просто допил чай.

Это был только первый день.

А ему уже казалось, что он стоит на берегу, а вода медленно прибывает. И он единственный, кто видит: вода эта — не та. Не спасительная, не очищающая. Другая.

И что рано или поздно она смывает всех.

Глава 3. Десять ложных следов

Москва, Центр стратегических исследований

Третий день после сигнала

Виктор Соколов смотрел на график, который должен был пугать, но почему-то успокаивал. Это беспокоило его больше, чем сами цифры. Он поймал себя на мысли, что хочет предложить полковнику чай и спросить о семье — вместо того чтобы требовать отчёт. Пришлось сжать кулаки под столом. Боль от ногтей, впивающихся в ладонь, помогала сохранять ясность.

— Вот здесь, — он ткнул карандашом в экран, стараясь, чтобы голос звучал жёстко. — Динамика за трое суток.

Полковник Громов стоял рядом, заложив руки за спину. Лицо оставалось непроницаемым, но взгляд стал мягче обычного. Громов тоже менялся — медленно, но необратимо.

— Убийства? — спросил он.

— Нет. Пока нет. Смотрите на бытовую агрессию. Драки в барах, дорожные конфликты, жалобы в ЖКХ.

Соколов выделил синюю линию на графике. Она ползла вниз — медленно, но уверенно.

— Сорок восемь часов — снижение на пятнадцать процентов. Это за пределами статистической погрешности.

— Может, праздники? — предположил Громов без осо-

бой уверенности.

— Какие праздники, Игорь Иванович? Обычная среда.
— Соколов переключил вкладку. — Посмотрите на соцсети. Алгоритмы анализа эмоций фиксируют рост позитивных маркеров. «Помочь», «понять», «простить» — на сорок процентов чаще. «Война», «враг», «проблема» — реже.

— Люди стали добрее, — резюмировал Громов. — В чём проблема? Мы десятилетиями к этому стремились.

— Проблема в скорости. — Соколов развернулся к полковнику. — Эволюция не работает так быстро. Это внешнее воздействие. Помните данные обсерватории «Зенит»? Всплеск от Солнца три дня назад?

— Тот, что списали на магнитную бурю?

— Это не буря. Это направленный импульс. Мы перепроверили данные телескопов. Сигнал пришёл из глубокого космоса, использовал гравитацию Солнца как линзу и сфокусировался на Земле.

Громов нахмурился. Старая привычка — хмуриться на неприятные новости — пока ещё работала.

— Хотите сказать, нас облучают?

— Хочу сказать: нас перепрограммируют. И самое страшное не в том, что люди становятся добрее. А в том, что они теряют способность принимать сложные решения.

— В каком смысле?

— В прямом. Любой выбор, требующий жертв, становится для них невозможным. Если убрать способность говорить

«нет»... что останется?

Громов помолчал. Гул кондиционера в тишине казался оглушительным.

— Стадо, — тихо сказал он.

— Именно. Стадо, которое не сможет защитить себя в критический момент.

Соколов заметил, что Громов уже не стоит по стойке смирно — расслабленно оперся на стол. Эффект нарастал даже на них.

— Есть исключения? — спросил Громов.

— Ищем. — Соколов вернулся к компьютеру. — Запустили алгоритм поиска аномалий. Тех, чьё поведение не изменилось. Кто продолжает проявлять... здоровый эгоизм.

— Много?

— Система выделила десять человек за последние сутки.

На экране появился список. Фамилии, адреса, причины попадания в выборку.

— Вот они. Десять потенциальных иммунных.

Громов склонился над экраном.

— Почему так мало?

— Потому что большинство уже изменилось. А эти... они совершили поступки, которые противоречат новому тренду. Отказали в помощи. Проявили жёсткость. Подали в суд на соседа.

Соколов взял планшет.

— Час назад отправил группы проверки. Нужно подтвер-

дить, что это не ошибка данных. Реальная устойчивость психики.

— Когда ждать?

— Должны отчитаться с минуты на минуту.

Тридцать минут растянулись в вечность.

Соколов ходил по кабинету. Он чувствовал, как внутри растёт желание просто сесть, выдохнуть и перестать волноваться. «Зачем сопротивляться? — шептал внутренний голос. — Если всем станет лучше, зачем спасать старый мир?»

— Нет, — прошипел он вслух.

— Что нет? — Громов вошёл в кабинет, держа в руках распечатки. Выглядел он расстроенным.

— Все десять, — полковник бросил папку на стол. — Ложь.

Соколов открыл папку.

Отчёт: Оказалось, у него болела нога. Он просто не заметил женщину. Когда ему указали — сразу уступил и извинился. Искренне. Кандидат номер один. Мужчина, не уступивший место в метро.

Отчёт: Объяснил, что у него был тяжёлый день. Сегодня уже предлагал товары за половину стоимости. Приложил фотографии. Кандидат номер четыре. Владелец магазина, не сделавший скидку.

Отчёт: Сказала, что не была готова к отношениям. Сейчас они вместе, она готовит ему ужин. Соседи подтверждают — счастливая пара. Кандидат номер семь. Девушка, отказавшая

парню на свидании.

Соколов листал отчёты. Каждый пункт бил по надежде.

— Это не иммунные, — сказал он тихо. — Инерция. Старые привычки угасают постепенно. Кто-то ещё держится за свой эгоизм, но процесс уже запущен. Через пару дней они станут такими же, как все.

— Значит, тупик. — Громов снял пиджак, повесил на спинку стула. Движение вышло слишком расслабленным. — Никого, кто остался бы человеком в полном смысле.

— Есть кто-то, — упрямо сказал Соколов. — Статистика не может врать. Не может быть ноль устойчивости. Но мы ищем не там.

— Где же?

— Мы ищем тех, кто выделяется. Кто скандалит, кричит, ломает систему. А если иммунный... просто обычный?

— Обычный?

— Да. Тот, кто не совершает подвигов добра, но и не совершает преступлений. Тот, кто просто живёт. Наш алгоритм настроен на поиск негатива. А если иммунитет выглядит как нормальность?

Соколов подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью. Машины ехали аккуратно. Пешеходы переходили дорогу там, где положено. Никакой спешки. Никакой агрессии. Идеальный порядок. Идеальное спокойствие.

— Мы не найдём их по базам, Игорь Иванович. Они не светятся. Они не кричат. Они просто... есть.

— Тогда как искать?

— Исключением. Временем.

Громов помолчал.

— Времени нет, Виктор. Через неделю будет поздно принимать решения. Будут нужны те, кто ещё способен на жёсткий выбор.

— Я знаю. — Соколов повернулся. — Но если мы начнём арестовывать людей для тестов... мы станем теми врагами, от которых пытаемся спастись. Мы нарушим их покой. А они... они уже не смогут нам сопротивляться.

Громов посмотрел на него долгим взглядом.

— Боитесь, что мы тоже изменимся?

— Боюсь, что завтра вы пожалеете меня. А послезавтра — забудете, зачем нужна была жалость.

Полковник ничего не ответил. Просто кивнул.

— Продолжайте поиск. Без шума. Никаких официальных запросов, никаких арестов. Ищем через агентуру. Старыми методами.

— Есть.

Громов направился к двери. Остановился на пороге.

— И Виктор...

— Да?

— Не будьте слишком добрым. Это приказ.

Дверь закрылась.

Соколов остался один.

Он посмотрел на список из десяти фамилий. Все ложные.

Все уже изменились или были ошибкой выборки.

Где-то должен быть человек, который не стал лучше. Который остался эгоистом, лжецом, трусом или героем — неважно. Кто-то, кто сохранил право выбора.

Но этот человек не совершал ошибок, которые попадают в базы. Он был тихим. Слишком тихим, чтобы его заметили.

Соколов стёр список с экрана.

— Ты прячешься, — прошептал он в пустоту. — Но рано или поздно ошибешься. И тогда мы тебя найдём.

Он не знал, что этот человек прямо сейчас стоит за кассой в магазине электроники, продаёт чайник и чувствует себя самым ненужным человеком на свете.

Алексей Самойлов не был в базе десяти кандидатов.

Потому что он не сделал ничего особенного.

Он просто устал.

И система посчитала это статистической погрешностью.

Соколов сидел за столом, просматривая список десяти кандидатов. Все ложные. Все уже изменились. Громов ушёл час назад, оставив его одного с отчётами.

В дверь постучали. Вошёл молодой оперативник в штатском — лейтенант Белов, один из немногих, кто ещё сохранял остатки служебного рвения.

— Виктор Сергеевич, у нас есть зацепка. Мужчина в Сара-

тове, вчера отказался пустить социального работника. Сказал: «Не лезьте в мою жизнь». Соседи подтверждают — он не изменился. Разрешите выехать группе захвата?

Соколов поднял голову. Слово «захвата» резануло слух. Раньше он бы кивнул, даже не задумываясь. Группа захвата — стандартная процедура для опасных элементов. Но сейчас он почувствовал, как внутри поднимается что-то тяжёлое, вязкое.

— Группа захвата? — переспросил он. — Ты хочешь арестовать человека за то, что он не пустил соцработника?

— Он сопротивляется адаптации, — Белов говорил твёрдо, но без прежней жёсткости. — Это нарушение общественного порядка.

Соколов открыл рот, чтобы сказать: «Действуйте. Задержите. Доставьте в Центр для принудительной коррекции». Это были правильные слова. Так надо было сделать в интересах общества.

Но слова не выходили.

Вместо них горло перехватило спазмом. Соколов попытался выдать приказ — и почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Физическая, настоящая, будто он собрался выпить яд. Ладони вспотели, сердце забилось где-то в ушах. Пальцы, лежавшие на столе, задрожали мелкой дрожью.

— Виктор Сергеевич? — Белов встревоженно шагнул ближе. — Вам плохо?

— Выйди, — прохрипел Соколов.

— Но приказ...

— Выйди, я сказал!

Белов вышел, недоумённо пожав плечами. Дверь закрылась.

Соколов откинулся на спинку кресла, пытаясь отдышаться. Тело больше не подчинялось старым командам. Он мог думать о принуждении, мог анализировать необходимость ареста — но как только дело доходило до приказа, организм восставал. Тошнота, дрожь, тахикардия. Защитный механизм, встроенный излучением, блокировал любую попытку причинить вред другому.

— Это безумие, — прошептал он в пустоту. — Как я теперь буду работать?

Ответа не было. Только гул сервера за стеной и собственное дыхание, слишком частое для спокойного человека.

Он посмотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали. Тогда, впервые за долгое время, Соколов позволил себе слабость. Он закрыл лицо ладонями и просидел так минуту, две, пять.

Когда он поднял голову, глаза были сухими. Но внутри что-то сломалось. Или, наоборот, встало на место.

Он больше не мог приказывать. Теперь он мог только просить, убеждать, ждать.

И это было страшнее любой тоски по старой власти.

Глава 4. День третий.

Чужой среди своих

Алексей проснулся от запаха кофе.

Горячего, свежемолотого, с нотками кардамона. Того самого, который они купили полгода назад для гостей и который Катя берегла как зеницу ока.

Он открыл глаза и несколько секунд лежал неподвижно, пытаясь понять, где находится. Потолок был знакомым, трещина в углу — тоже. Но ощущение было неправильным. Обычно будильник вырывал из сна резким звуком, а следом начинался день в режиме выживания. Катя никогда не варила кофе по утрам. Если и готовила — только для себя.

Алексей сел на кровати.

Воспоминание всплыло само — яркое, как осколок стекла в пальцах. Прошное воскресенье. Они сидели на кухне. Он доедал вчерашние макароны, она — свежеприготовленную яичницу. Катя ела медленно, демонстративно, не глядя на него. Вся её поза кричала: «Ты здесь лишний. Ты не заслужил. Я лучше тебя». Тогда он хотел огрызнуться, хлопнуть дверью, почувствовать хоть какую-то эмоцию.

Это было три дня назад. До того, как мир начал сползать в эту странную, вязкую доброту.

Алексей вышел на кухню.

Катя стояла у плиты. На ней была его старая футболка, волосы собраны в небрежный пучок. Под глазами залегли тени — лицо осунулось. Но когда она обернулась, лицо осветила улыбка. Не та, которой она маскировала обиду. И не та, которой выманивала подарки. Она смотрела на него так, будто он был раненым зверем, которого нужно выходить.

— Доброе утро. — Голос мягкий, без привычных металлических ноток. — Я подумала, ты не успеешь позавтракать перед работой. Яичница почти готова.

Алексей замер в дверном проёме.

— Ты... в порядке? — спросил он осторожно.

Катя нахмурилась — но не гневно, скорее с участием.

— Конечно. А что случилось?

— Вчерашний вечер. Ты не стала смотреть сериал. Сидела со мной просто так.

— А, — она махнула лопаткой. — Тебе нужно было выговориться. Я поняла. Садись, остынет.

Алексей сел. Ждал подвоха. Ждал, что сейчас последует «но», за которым потянется список его грехов. «Но» не последовало.

Катя поставила перед ним тарелку. Три яйца. Себе положила одно.

— Ешь, тебе силы нужны.

— Катя, возьми ещё.

— Нет. — Она покачала головой. — Я не голодна. Правда. Он посмотрел на её тарелку. Потом в глаза. Она не врала.

Она действительно не считала себя важной. Её потребности отошли на второй план, растворились в желании сделать ему хорошо.

Это было страшнее, чем когда она забирала последнее.

— Ты странная сегодня, — пробормотал он, ковыряя яичницу.

— Просто хороший день. — Катя села напротив, подпёрла щеку рукой. Она не ела. Просто смотрела, как он ест. И улыбалась.

Алексей отложил вилку.

— Почему ты не ешь?

— Я потом. Хочу посмотреть на тебя.

— Это неприятно.

— Прости. — Она сразу опустила глаза. — Я не хотела смущать.

Алексей вздохнул. Раньше, чтобы она извинилась, нужно было три дня скандала. Теперь хватило одного слова. Но в этом не было победы. Было ощущение, что он разговаривает с человеком, у которого удалили часть мозга. Ту часть, где живёт «я».

Алексей втиснулся в салон. Раньше здесь всегда была микровойна: локти, сумки, раздражённые вздохи. Сегодня война закончилась. Капитуляция была полной. В троллейбусе было душно, как всегда.

Мужчина в дорогом костюме стоял у двери с тяжёлым портфелем. Рядом стояла девушка с сумкой, которая явно

веса больше портфеля.

— Давайте я подержу, — предложил мужчина.

— Нет, что вы. — Девушка улыбнулась. — Вы же устали после работы.

— Но вы тоже...

— Мне не тяжело. Правда.

Алексей смотрел на них и чувствовал, как внутри закипает раздражение. Люди не были созданы для того, чтобы постоянно уступать. Эволюция учила их бороться за место под солнцем. За ресурс. За кресло в вагоне. Сегодня ресурс был бесплатным. И это обесценивало саму борьбу.

Он специально растолкал плечами двух пассажиров, чтобы пройти к выходу.

— Извините, — пробормотал он.

— Ничего страшного. — Мужчина, которого он толкнул, даже не поморщился. — Я должен был быть внимательнее.

Алексей вышел на остановке и остановился.

Его трясло.

Он достал телефон. Лента новостей была забита сюжетами о «глобальном пробуждении сознания». «Волонтерское движение охватило столицу». «Водители массово пропускают пешеходов». «Психологи отмечают небывалый всплеск эмпатии».

Комментарии под статьями пестрели смайликами и словами поддержки. Никакого хейта. Никаких споров. Только в одной заметке мелькнуло короткое интервью с врачом: «Воз-

можно вирусная природа явления. Рекомендуются соблюдать осторожность». Но новость быстро ушла вниз, заглушённая потоком позитива.

В магазине РТС к обеду накопилось напряжение. Но не то, к которому привык Алексей.

Пришла поставка — нужно было выкладывать товар, а покупателей было больше обычного. Алексей метался между складом и залом, не успевая ни там, ни там. Игорь, старший смены, подошёл, когда он уже вскрывал третью коробку.

— Леш, ты обедал? — спросил Игорь.

— Не до обеда.

— Иди поешь. Я подменю.

Алексей поднял голову. Игорь стоял с планшетом в руках, но вместо того, чтобы раздавать указания, смотрел на него с той самой странной мягкостью, которая появилась у всех в последние дни.

— Ты же сам не ел, — сказал Алексей. — У тебя перерыв через час.

— Ничего. Я потерплю. Ты выглядишь измучанным.

— Игорь, мы оба не обедали. Давай нормально, по графику.

Игорь покачал головой.

— Тебе нужно восстановить силы. У тебя давление, наверное. Я видел, ты таблетки пил утром.

Алексей замер. Он действительно пил обезболивающее — голова разболелась ещё с утра. Но откуда Игорь знал? Тот

перехватил его взгляд и пояснил:

— Я в подсобку заходил, коробки искал. Ты блистер на столе оставил. — Он помолчал. — Не переживай, я никому не скажу. Просто... береги себя, Леш. Работа подождёт.

Игорь взял из его рук канцелярский нож, жестом показал. «иди». Алексей хотел возразить, но Игорь уже открывал коробку, ловко разрезая скотч.

Он отошёл к стеллажу, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение. Игорь не просто уступил перерыв — он пожертвовал им. Добровольно, без расчёта на ответную услугу. Раньше за такие жесты он требовал «отработки» или хотя бы признательности. Теперь просто отдавал, не думая о себе.

Алексей вспомнил утреннюю яичницу. Одно яйцо Кате, три — ему. Та же логика: «Мне ничего не нужно, важно, чтобы тебе было хорошо».

Он посмотрел на Игоря, который уже выкладывал чайники на витрину, и подумал: это не доброта. Это начало самоуничтожения. Маленькое, почти незаметное, но необратимое.

Внутри kloкотало привычное раздражение: усталость от работы, боль в ноге, тревога за будущее. Все эти чувства были на месте. Острые, колючие, реальные. А вокруг будто натянули вату. Мир стал мягким. Слишком мягким. Вечером он шёл домой пешком. Чувствовал себя лишним.

Он свернул во двор. У подъезда стояла детская коляска

— пустая, пристёгнутая к скамейке ремнём. Рядом никого. Алексей замедлил шаг, огляделся. Из соседнего подъезда вышла женщина с младенцем на руках, подошла к коляске, аккуратно переложила ребёнка, поправила одеяльце. Другой малыш, постарше, катался на велосипеде по кругу, не выезжая за пределы асфальтового пятка. Никто не кричал, не гонял мяч, не спорил из-за качелей. Всё тихо, всё чинно.

Он кивнул, не зная, что ответить. Раньше она бы насто-роженно покосилась на чужого мужика, рассматривающего её детей. Теперь просто делилась теплом. Женщина заметила Алексея, улыбнулась. — Хороший вечер, правда?

Он поднялся на пятый этаж, тяжело дыша. На площадке горел свет — всегда горел, сколько он себя помнил, но раньше Алексей не замечал этого. Теперь заметил: лампочка новая, яркая, и горит она не экономии ради, а чтобы соседка с третьего этажа не споткнулась, возвращаясь из магазина. Кто-то поменял, не спрашивая, не собирая денег. Просто поменял.

Квартира встретила его запахом ужина. Катя стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Услышав шаги, обернулась — и улыбнулась. Не той улыбкой, которой раньше встречала, когда хотела что-то выпросить или смягчить удар. Просто улыбнулась. Будто ждала.

— Садись, я сейчас.

Он сел за стол, положил ключи. На столе уже стояли тарелки, салфетки, даже солонка — раньше она не заморачи-

валась с сервировкой. Катя поставила перед ним тарелку с супом, села напротив. Свою ешь не стала — просто смотрела, как он ест.

— Ты не будешь? — спросил он, чувствуя, как привычное раздражение натывается на вату.

— Я потом. Ты сегодня уставший.

Он отложил ложку.

— Кать, прекрати на меня смотреть.

Она не обиделась. Только чуть склонила голову, как делают, когда разглядывают что-то непонятное, но интересное.

— Ты злишься, — сказала она не вопросом — утверждением. — На что?

— Не злюсь.

— Злишься. Я вижу. Ты всегда так плечи поднимаешь, когда злишься.

Он опустил плечи. Она улыбнулась — не торжествующе, а мягко, будто он был ребёнком, который спрятал разбитую чашку и думает, что никто не заметил. Раньше она использовала его привычки как оружие. Теперь использовала как повод для нежности. Это было хуже.

— Просто вымотался, — повторил он.

— Может, тебе ванну набрать? Я лавандовое масло купила. Успокаивает.

Она никогда не покупала лавандовое масло. Она считала такие вещи «бабскими» и нелепыми. Теперь, видимо, считала полезными.

— Не надо ванну.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Хочешь, я расскажу, что сегодня на работе было?

Она рассказывала, пока он ел. О коллегах, которые сами перекрыли её задачи, чтобы она могла закончить пораньше — в видеозвонке сказали: «Иди отдыхай, мы сами». О заказчиках, которые в переписке благодарили даже за мелочи и желали хорошего вечера. О начальнике, который прислал на корпоративный чат рецепт пирога, а потом выяснилось, что он испёк его для всех и развёз по домам — просто так, потому что «хороший день».

Она говорила, и в её голосе не было привычного яда, который раньше прорывался, когда она жаловалась на людей. Теперь она не жаловалась. Она делилась.

Алексей слушал и чувствовал, как внутри поднимается глухая, беспомощная злость. Он не мог её на что-то направить. Не мог обвинить её в том, что она стала добрее. Не мог сказать: «Вернись прежней», потому что прежняя была несчастной и делала несчастным его. Но эта — новая — была чужой.

— Ты слушаешь? — спросила она, заметив, что он перестал жевать.

— Слушаю.

— Я иногда думаю, — она помолчала, глядя в окно, — почему мы раньше не могли так. Ты не злишься, я не злюсь. Всё спокойно.

— Потому что раньше мы были живыми, — сказал он, не успев подумать.

Катя медленно перевела взгляд на него. В глазах мелькнуло что-то — не обида, не удивление. Что-то другое. Будто она хотела спросить, что он имеет в виду, но не решилась.

— Ты странный сегодня, — тихо сказала она.

— Я всегда странный.

— Нет. — Она покачала головой. — Ты просто... другой. Не такой, как все.

Он ждал, что сейчас добавит: «И это хорошо» или «И это плохо». Но она ничего не добавила. Встала, собрала тарелки, понесла в раковину.

Алексей сидел, глядя на её спину. Плечи прямые, движения плавные. Она никогда не была такой спокойной. Он должен был радоваться. Вместо этого внутри рос холод.

— Катя, — сказал он, сам не зная зачем.

Она обернулась, вытирая руки.

— Что?

— Ты... помнишь, как мы познакомились?

Она улыбнулась — тепло, но как-то отстранённо.

— Конечно. В кафе. Ты пролил кофе мне на блузку.

— И ты разозлилась, — добавил он.

— Да. — Она помедлила. — Странно было злиться из-за такой ерунды.

— Это была не ерунда. Тебе нравилась та блузка.

— Просто вещь.

Он смотрел на неё и понимал: она не помнит. Или помнит, но не чувствует. Тот кусочек её, который мог разозлиться из-за испорченной вещи, который держал обиду и лелеял её, который был живым и неудобным, — он исчез.

— Ты изменилась, — сказал он.

— Мы все изменились, — ответила она просто. — К лучшему.

Вечер четвертого дня наступил незаметно. За окном сгустились сумерки, но город не зажигал привычных огней агрессии — никаких рекламных баталий, никаких кричащих вывесок. Всё светилось мягко, приглашающе. Алексей сидел на кухне, допивая остывший чай, когда Катя заговорила словно между прочим:

— Мама звонила сегодня. — Она вытирала стол, движения плавные, без прежней резкости. — Спрашивала, как мы. Я сказала, что у тебя много работы.

Алексей сжал чашку крепче, чем нужно. Фарфор хрустнул под пальцами. Маргарита Семеновна, мать Кати, была отдельной статьёй в его личной книге травм. Он помнил её взгляд — холодный, оценивающий, будто он не зять, а неудачная покупка в магазине бытовой техники. Она была против их брака с самого начала. «У него ничего нет, Катя. Ты влезешь в ипотеку одна, а он только мешаться будет», —

говорила она за ужином в их честь, демонстративно не прикасаясь к подаренному Алексеем вину. Проверяла на прочность каждый визит: спрашивала о зарплате с интонацией, заранее знающей ответ; критиковала ремонт, сделанный на её деньги; намекала Кате, что развод — разумный шаг, пока не поздно.

— Она хочет приехать, — продолжила Катя, не глядя на него. — Завтра. Если неудобно, скажем, что уезжаем. Я не хочу, чтобы ты нервничал.

Алексей замер. Ловушка. В старом мире он обрадовался бы возможности отказать. Сослаться на работу, на головную боль, на что угодно. Но сейчас, когда эгоизм стал болезнью, отказ принять родственника выглядел бы симптомом. Особенно для Кати, которая считывала его состояние лучше любого детектора лжи.

— Нет, зачем же, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Пусть приезжает. Я просто... устал немного.

— Ты уверен? — Катя подошла, положила руку на плечо. — Мы можем отменить. Мне не сложно.

— Уверен. — Соврал. — Мне не сложно.

Он сказал это, чтобы не выбиваться из роли. Чтобы не стать тем, кто «отталкивает заботу». Но внутри всё сжалось. Гости Галины Ивановны всегда означали проверку. Контроль. И теперь предстояло пройти эту проверку, притворяясь таким же идеальным, каким стал весь мир.

На следующий день звонок в дверь прозвучал ровно в

двенадцать. Алексей открыл, заранее приготовив дежурную улыбку.

На пороге стояла Маргарита Семеновна.

Он ожидал привычную броню: дорогое пальто, строгую прическу, взгляд поверх очков. Но перед ним была другая женщина. Растерянная. В руках не сумка с подарками, которые предстояло оценить, а простой пакет с продуктами. Домашние пирожки, молоко, яблоки.

— Здравствуй, Алексей, — сказала она тихо. Голос дрогнул. — Можно я пройду?

— Конечно. — Он отступил, пропуская.

Она прошла в прихожую, неуверенно снимая пальто. Старое, потёртое на рукавах. Раньше она не носила вещей старше двух сезонов.

— Я не надолго. — Она направилась на кухню. — Просто хотела увидеть вас. И... извиниться.

Алексей замер в дверях. Катя уже наливала чай, но тоже остановилась, услышав последнее слово.

— Извиниться? — переспросил Алексей.

Маргарита Семеновна села на стул, положила руки на колени. Они дрожали.

— Я много думала в последние дни. — Она смотрела в стол. — Всё, что делала раньше... Всё, что говорила тебе... Это было неправильно. Я хотела защитить Катю, а делала вам больно.

Она подняла глаза. В них не осталось льда. Только вода

— тёплая, мутная вода раскаяния.

— Я была эгоисткой. — Голос тихий. — Думала только о своем мнении. О том, чтобы быть правой. А права не стоит семейного счастья.

Алексей смотрел на неё, и по спине полз холод. Это было страшнее её прежней злобы. Злобу можно отразить. Обидеться в ответ. Закрыть дверь. Но как защищаться от тотального смирения?

— Мама, ну что ты, — начала Катя. — Всё в прошлом.

— Нет, не в прошлом. — Маргарита Семеновна перебила мягко, но твёрдо. — Пока я не скажу. Алексей, прости меня. Я не верила в тебя. А ты... терпел.

Она достала из пакета коробку конфет. Самых простых, из супермаркета у дома.

— Это вам. Я сама выбирала. Не дорогие, но вкусные. Я помню, ты любишь шоколад.

Алексей вспомнил, как год назад она подарила ему на день рождения набор для бритья, сказав: «Тебе нужнее, чем цветы». Тогда это было унижение. Сейчас она стояла перед ним, как виноватый школьник в ожидании наказания.

— Спасибо, — сказал он, принимая коробку. Лёгкую.

— Я могу помочь на кухне? — спросила она вдруг. — Помыть посуду? Или убрать? Я не хочу быть лишней.

— Мы справимся.

— Пожалуйста. — Она посмотрела с такой мольбой, будто разрешение помыть посуду — вопрос жизни и смерти. —

Мне нужно быть полезной. Иначе я чувствую... будто ворую у вас время.

Алексей взглянул на Катю. Та кивнула, разрешая.

Маргарита Семеновна встала, быстро собрала тарелки, понесла к раковине. Мыла тщательно, бережно, будто не фаянс, а хрупкие артефакты.

Алексей вышел в комнату. Сел на диван.

Коробка конфет лежала в руках.

Он помнил её жёсткой. Помнил, как она говорила Кате по телефону: «Не давай ему денег, потратит». Как проверяла чеки из магазина, приходя в гости. Теперь она мыла посуду и боялась быть лишней.

Излучение стерло не просто агрессию. Оно стерло личность. Ту самую, что делала её неудобной, злой, живой.

Алексей открыл коробку. Конфеты лежали ровно. Взял одну, положил в рот.

Сладко. Приторно.

Как сироп, в котором консервируют фрукты, чтобы не сгнили.

— Леш, всё хорошо? — Катя заглянула в комнату.

— Хорошо. — Он посмотрел на неё. — Мама... изменилась.

— Все меняются, — сказала Катя. — К лучшему.

— Да. — Он согласился. — К лучшему.

Алексей смотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Катя выдержала его, но внутри что-то кольнуло — не боль,

а странное беспокойство, будто она смотрела на себя со стороны и не узнавала.

— Ты правда веришь, что это навсегда? — спросил он тихо.

— А почему нет? — Она пожала плечами, но жест вышел неуверенным. — Люди стали добрее. Меньше ссор, меньше обид. Разве это плохо?

— Я не про то, хорошо или плохо. — Он отодвинул тарелку. — Я про то, что ты... не боишься потерять себя?

Катя замерла. Слова повисли в воздухе, и она вдруг почувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое, вязкое — не гнев, не страх, а странная усталость от этого разговора. Раньше она бы взорвалась, закричала: «Ты меня не понимаешь!», хлопнула дверью. Сейчас она просто сидела и смотрела на него, как на незнакомца, который задаёт неуместные вопросы.

— Я не теряю себя, — сказала она наконец. — Я становлюсь лучше.

— Лучше для кого?

— Для всех.

Она встала, убрала тарелки в раковину, включила воду. Горячая, почти обжигающая. Она любила такую — она смывала жир и заодно мысли. Алексей не уходил. Сидел за столом, смотрел ей в спину. Катя чувствовала его взгляд, но не оборачивалась.

— Помнишь, как мы познакомились? — спросил он.

— Ты уже спрашивал. — Она выключила воду, вытерла руки. — В кафе. Ты пролил кофе мне на блузку.

— И ты разозлилась. Очень. Сказала, что я неуклюжий идиот, и потребовала оплатить химчистку.

— Это была хорошая блузка, — машинально ответила Катя и вдруг замерла. Хорошая. Она помнила цвет — персиковый, с мелкими цветочками. Помнила, как долго выбирала её в торговом центре, как потом носила только по праздникам. А сейчас... сейчас она не смогла бы надевать такие вещи. Слишком яркие, слишком... эгоистичные.

— Ты была живая, — сказал Алексей. — Колючая, неудобная. Но живая.

— А сейчас я мёртвая? — повернулась к нему Катя. В голосе не было вызова — только усталое любопытство.

— Не знаю. Ты какая?

Она хотела ответить: «Счастливая». Это было правильное слово, его ждали от неё все. Но язык не повернулся. Вместо этого она сказала:

— Я спокойная.

— Это одно и то же?

— Не знаю, — повторила она. И добавила тихо, почти шёпотом: — Я забыла, каково это — злиться. По-настоящему, до дрожи в коленях. Раньше меня бесило всё: твоя привычка оставлять носки в коридоре, мамины звонки, работа, очередь в магазине. А теперь... теперь я улыбаюсь продавщице, которая обсчиталась, и думаю: «Ничего страшного, ей тяже-

ло». И это правильно. Но внутри — пустота. Не боль, не радость. Просто... вата.

Она замолчала, испугавшись собственной откровенности. Алексей не двигался. Ждал.

— Мне страшно, — выдохнула Катя. — Не то чтобы я боялась завтрашнего дня или за тебя. Я боюсь, что однажды проснусь и не вспомню, каково это — держать обиду. Не потому что простила, а потому что обида перестала существовать. Как орган, который удалили. Его нет, но ты знаешь, что он был. И тебе не больно. И это самое страшное — не больно.

Она провела ладонью по лицу, будто стирая невидимую маску.

— Ты поэтому не хочешь идти в Центр? — спросил Алексей.

— Не хочу, чтобы меня сделали ещё удобнее, — ответила она. — Я уже почти не чувствую себя собой. А там... там меня разберут на детали и соберут заново. Правильную. Красивую. Пустую.

Она подошла к окну. На улице смеркалось, зажигались фонари. Свет был мягким, приглушённым — таким же, как всё в этом городе.

— Знаешь, что я вспомнила сегодня утром? — сказала она, не оборачиваясь. — Как мы поругались в прошлом году из-за того, что ты не купил мне цветы на восьмое марта. Я тогда так разозлилась, что ушла к маме на три дня. А сейчас я думаю: зачем мне цветы? Они завянут. Лучше бы ты эти

деньги отдал в фонд помощи бездомным. — Она усмехнулась, но усмешка вышла горькой. — Видишь? Я стала идеальной женой. Не требую, не обижаюсь, не жду. Я просто... принимаю.

— Это не ты, — тихо сказал Алексей.

— А кто? — Она повернулась. Глаза её блестели, но слёз не было. — Может, это и есть настоящая я. Просто раньше мне мешали гормоны, усталость, плохая погода. А теперь всё встало на свои места. Я добрая. Я заботливая. Я — мечта любой свекрови.

Она хотела засмеяться, но вместо этого её голос дрогнул.

— Не смотри на меня так, — попросила она. — Я не хочу, чтобы ты меня жалел. Я просто... не знаю, кто я теперь. И это хуже, чем любая ссора.

Алексей встал, подошёл, обнял. Катя не отстранилась, но и не прижалась — стояла прямо, будто боялась, что если расслабится, то развалится на части.

— Я не жалею тебя, — сказал он в макушку. — Я просто здесь.

— Ненадолго, — прошептала она. — Я чувствую. Ты уйдёшь. Скоро.

Он не ответил. И это было ответом.

Катя закрыла глаза. Впервые за долгое время ей хотелось заплакать, но глаза оставались сухими — новая доброта забрала и это.

Они стояли так посреди кухни, а за окном медленно уга-

сал день. И в этой тишине, в этом странном, вынужденном покое, Катя поняла: она уже не та, кого он полюбил. И никогда не станет прежней. Даже если захочет.

Глава 5. День четвёртый. Обзвон

Второй день подряд «колл-центр» не мог выполнить дневной норматив. Раньше это списывали на случайность, на неудачный день, на личную усталость. Сегодня случайность перестала быть случайностью.

Офис располагался в бизнес-центре класса «Б» на окраине — никаких вывесок, только номер на пластиковой табличке. Внутри тридцать рабочих мест, пластиковые перегородки, дешёвый линолеум и кондиционер, который вечно гудел и плохо охлаждал. Легальная вывеска гласила «Альфа-Консалт», но настоящий бизнес здесь вели другой.

Роман Юрьевич, сорокапятилетний мужчина с острым взглядом на идеально выбритом лице и дорогими часами на запястье, сидел в своём стеклянном закутке и наблюдал за залом. Два года назад он организовал этот «колл-центр». Схема работала безотказно: операторы звонили пенсионерам, представлялись службой безопасности банка, выводили данные карт. Деньги текли рекой — достаточно, чтобы платить аренду, зарплату «сотрудникам» и отстёгивать нужным людям.

Четвёртый день после сигнала начался как обычно. В девять утра тридцать операторов надели гарнитуры, открыли скрипты и принялись набирать номера. Гул голосов заполнил помещение — привычный рабочий шум.

Роман Юрьевич откинулся в кресле, потягивая кофе. Всё шло по плану.

— Алло, здравствуйте, я из службы безопасности Сбербанка, — заученно затараторил молодой оператор Костя на третьем ряду. — На вашем счёте зафиксирована подозрительная активность. Для блокировки мне нужны данные вашей карты...

Он приготовился к привычному: испуг, вопросы, паника. В трубке помолчали. Потом женский голос ответил спокойно, почти буднично:

— Да, я поняла. Что нужно назвать?

Костя моргнул. Обычно на этом этапе жертва начинала нервничать, переспрашивать, сомневаться. А здесь — полное доверие. Слишком полное.

— Э... номер карты, пожалуйста, — сказал он, сбившись.

— Сейчас, найду. — Женщина зашуршала бумажками. — Вот. 4532...

Она продиктовала номер. Костя механически начал вбивать цифры в программу, но пальцы вдруг остановились. Он посмотрел на экран. Шестнадцать цифр — ключ к чужой пенсии, к накоплениям, к жизни. Обычно он не задумывался. А сейчас внутри поднялось что-то липкое, тяжёлое.

— Дальше? — спросила женщина. Голос был ровным, без тени страха. Она ждала.

Костя открыл рот, чтобы попросить срок действия и CVV. Но слова не выходили. Вместо этого к горлу подступила тош-

нота — физическая, настоящая. Он зажал микрофон рукой, сглотнул.

— Алло? — позвала женщина. — Вы здесь?

— Да, — прохрипел Костя. — Произошла ошибка. Ваш счёт... не блокируется. Извините.

Он бросил трубку. Руки тряслись. На мониторе остались незаполненные поля. Он не смог. Просто не смог взять последние цифры.

Роман Юрьевич видел это из своего кабинета. Костя сидел, уставившись в стол, и тяжело дышал.

«Рано ещё, — подумал Роман Юрьевич. — Акклиматизируется».

Он перевёл взгляд на других операторов.

Девушка с четвёртого ряда — Лена — тоже вела разговор. Её лицо было бледным, пальцы застыли над клавиатурой.

— ...да, я поняла, — говорил голос в её трубке. Пожилой мужчина, спокойный, почти сонный. — Карта такая-то, срок такой-то. Вам нужен код с обратной стороны?

— Да, — выдавила Лена.

— Три цифры? — уточнил он.

— Да... — Она запнулась. — Знаете, не надо. Ошибка. Всё в порядке.

Она отключилась и сняла гарнитуру. Глаза были влажными.

Роман Юрьевич вышел из кабинета, прошёлся по залу.

— В чём дело? — спросил он, стараясь, чтобы голос зву-

чал жёстко. — Почему прерываете звонки?

— Роман Юрьевич, — Костя поднял голову. — Я не могу. Они... они всё дают. Всё, что попросишь. Без вопросов, без страха. Просто диктуют. А я...

— Ты что?

— Я чувствую себя... — Костя поискал слово. — ...падальщиком.

— Это работа, — отрезал Роман Юрьевич. — Вы здесь деньги зарабатываете. А не совесть тешите.

Он оглядел зал. Операторы сидели тихо, никто не набирал номера. Гул голосов стих.

— Продолжайте, — приказал он. — Скрипты не изменились. Давите на срочность, на угрозу списания.

— Не работает, — сказала Лена. — Они не пугаются. Они просто соглашаются. И я не могу... я слышу их голоса — старые, доверчивые — и не могу просить код.

Роман Юрьевич подошёл к свободному месту, сам набрал номер. Решил показать пример.

— Алло, беспокоит служба безопасности банка, — начал он ровным, профессиональным тоном.

— Слушаю вас, — ответил женский голос. Спокойный, усталый.

— На вашей карте зафиксирована подозрительная операция. Назовите, пожалуйста, номер карты и срок действия.

— Сейчас, — женщина продиктовала. Без запинки, без вопросов.

— Теперь код с обратной стороны, — сказал Роман Юрьевич.

Женщина назвала.

Он смотрел на экран — все поля заполнены. Осталось только нажать «Отправить». Но палец не двигался. Внутри поднималась волна отвращения. Он слышал её дыхание — ровное, спокойное. Она ему поверила. Полностью. Безоговорочно. И сейчас он мог забрать у неё всё.

— Спасибо, — сказал он. — Ошибка. Ваш счёт в порядке.

Он положил трубку и посмотрел на свои руки. Они дрожали.

В зале было тихо. Операторы смотрели на него — не с укором, а с пониманием. Они все прошли через это за последние два дня.

— Шеф, — тихо сказал Костя. — Я домой пойду. Мне плохо.

— Иди, — выдохнул Роман Юрьевич.

Костя ушёл. За ним, помявшись, потянулись другие. Через полчаса в зале не осталось никого, кроме самого Романа Юрьевича.

Он обвёл взглядом пустые рабочие места. Тридцать компьютеров, тридцать гарнитур, тридцать скриптов обмана. Всё это казалось теперь театральным реквизитом, декорациями к спектаклю, который никто не придёт смотреть.

Он подошёл к своему сейфу, набрал код. Внутри лежали пачки денег — дневная выручка за прошлые дни, ещё не от-

правленная «партнёрам». Он взял одну пачку, повертел в руках.

Тошнота подступила к горлу.

Он быстро убрал деньги обратно, захлопнул сейф. Вышел из кабинета, прошёл через пустой зал к выходу. У двери обернулся в последний раз.

Гул кондиционера казался оглушительным в этой тишине.

Роман Юрьевич вышел на улицу. Воздух был свежим, прозрачным. Мимо шли люди — улыбались друг другу, уступали дорогу, помогали нести сумки. Обычный день в обычном городе.

Он посмотрел на свои часы. Потом снял их, положил в карман. Тяжесть на запястье исчезла.

Телефон зазвонил — номер «партнёра».

Роман Юрьевич посмотрел на экран, нажал отбой.

Потом выключил телефон совсем.

Где-то в городе, в обычной квартире, пожилая женщина сидела у телефона и ждала звонка из банка. Ей показалось странным, что сотрудник вдруг сказал «ошибка» и повесил трубку. Но она не стала перезванивать. Наверное, разберутся сами.

Она налила себе чай и включила телевизор. Новости передавали о всплеске солнечной активности.

Глава 6. День пятый.

Колония строгого режима

Майор Сорокин стоял на вышке. Ветер пробирал до костей сквозь форменную куртку, но он не уходил в будку. Обычно в это время он курил, шурился и оценивал зону как подконтрольную территорию, где действуют его правила и его иерархия. Здесь, на высоте, он чувствовал себя смотрителем механизма — сложного, опасного, но отлаженного годами.

Сегодня система давала сбой.

Внизу, у карантинного корпуса, трое заключённых нарушили режим — вышли за пределы разметки. Они просто стояли у ограждения и курили, выпуская дым в морозный воздух. Без вызова, без агрессии. Просто как люди, которым захотелось подышать свежим воздухом.

По инструкции Сорокин должен был предупредить по громкой связи, затем выстрелить в воздух, а при неповиновении — работать на поражение. Он положил руку на микрофон, набрал воздуха, но голос застрял в горле, наткнувшись на невидимую преграду.

Он смотрел на них и слышал — сухой, лающий кашель доносился снизу. Высокий в телогрейке сжимался плечами при каждом приступе. Ему вдруг стало очевидно: зачем они

мерзнут на ветру? В корпусе теплее. Надо загнать их внутрь. Не наказать — согреть.

— Майор? — голос дежурного в наушнике прозвучал резко, вырывая из оцепенения. — Нарушение периметра. Применяйте процедуру.

— Они замерзнут, — ответил Сорокин, удивляясь собственным словам.

— Что?

— Там ветер. Им холодно. Слышите, человек кашляет. Ему нельзя на холоде.

— Сорокин, вы в своём уме? Это зэки. Они нарушили режим. Вы обязаны...

— Пусть зайдут в корпус. Там теплее.

Сорокин убрал руку с микрофона. Пальцы дрожали. Он не мог нажать кнопку тревоги. Мысль о том, чтобы причинить им боль — даже звуком сирены, не пульей — вызвала физический приступ тошноты. Это была не жалость в привычном смысле, не решение. Это была физиологическая невозможность, будто кто-то перерезал нерв, ведущий от мозга к пальцам.

Внизу охранник, сержант Петров, уже подходил к нарушителям. Без автомата наперевес, без окрика. Он просто шёл к ним, как идут к соседям. Вместо наручников он снял свою шапку-ушанку и протянул кашляющему заключённому.

— Уши покраснели, надень, — сказал Петров.

— А ты? — спросил тот. Голос хриплый, удивлённый.

— Мне не холодно. Я привычный. Идите в корпус, простынете ведь.

Заключённый взял шапку. Надел. Они пошли обратно, к двери, не споря, не оглядываясь.

Сорокин отвернулся от окна. Пять дней назад эта колония работала как отлаженный механизм жестокости. Были правила, были наказания, была чёткая грань: мы и они. Сегодня грань стиралась, и колония напоминала странно тихий пансионат, где все вдруг стали друг другу кем-то вроде дальних родственников. Никто не бунтовал, никто не нападал. Стены потеряли смысл, потому что исчезло само желание их преодолевать.

В камере номер 14 сидел Фомин, по кличке Фом. Три ходки, три ножевых ранения. Последнее — охранник магазина, не отдавший кассу. Фом не помнил лица того человека, только кровь на полу и тяжесть ножа в руке. Тогда это было просто: бизнес, риск, награда. Он не думал о том, что человек мог хотеть жить.

Сегодня Фом сидел на шконке и держался за голову. Его тошнило не от еды — от мыслей. Они лезли в голову, как черви, и он не мог их прогнать.

Вчера он хотел отобрать у новичка передачку — обычное дело, право старшего, закон зоны. Фом подошёл, открыл рот, чтобы сказать привычное: «Выкладывай», — но его скрути-

ло. Желудок свело острым спазмом, в глазах потемнело. Он упал на колени прямо на бетонный пол, хватая ртом воздух, кашляя, давясь тошнотой. Новичок испуганно подбежал с кружкой воды.

— Дядь Фом, вам плохо? Врача вызвать?

— Уйди, — прохрипел Фом, отталкивая его руку. — Не подходи. Я тебя... ударить хотел.

— За что? — Новичок смотрел на него с искренним, детским недоумением. — Я же ничего не сделал.

— По понятиям.

— Какие понятия? — В голосе новичка не было страха, только растерянность. — Вам врача надо. Вы бледный весь.

Фом лежал на холодном бетоне, прижавшись щекой, смотрел на ржавую трубу под шконкой и понимал: его мир рухнул. Авторитет, право брать, сила, страх — всё это вдруг стало ядом. Когда он думал о насилии, ему становилось физически больно. Когда представлял, как кому-то плохо, сердце сжималось так, что трудно было дышать. Он вспомнил того охранника — ярко, как вспышку. Вспомнил, как тот упал, как хрипел. Закрыв лицо руками и затрясся. Не от страха наказания — от ужаса перед тем, кем он был.

Вечером произошло странное. Обычно в 21:00 двери камер закрывались, конвой лязгал ключами, проверял засовы. Сегодня двери остались открытыми. Никто не отдавал приказа — просто охранники прошли мимо, не заперев.

Сорокин спустился с вышки и шёл по коридору без автомата, только со связкой ключей в руке, звеневшей при каждом шаге. Он остановился у камеры №14. Фом сидел на краю шконки, опустив голову. Обычно он бы отвернулся или бросил вызов взглядом, но сегодня встал, едва увидел майора.

— Товарищ майор, — сказал он. Голос дрогнул, чего раньше никогда не было. — У вас рука... перевязана. Поразились?

Сорокин посмотрел на бинт, намотанный на ладонь — царапина от колючей проволоки, ерунда.

— Ерунда. Не обращай внимания.

— Давайте я посмотрю. — Фом сделал шаг вперёд, к открытой двери. Конвойные, стоявшие в коридоре, напряглись, но Сорокин поднял руку, останавливая их.

— Не надо.

— Надо. — Фом настаивал, и в его голосе не было вызова. Было что-то другое, от чего Сорокин растерялся. — Инфекция попадёт, палец отнимать будут. У меня мазь есть, хорошая. Мне вчера передали, я не пользовался.

— Это запрещёнка, — автоматически сказал Сорокин. Правила въелись в подкорку.

— Какая сейчас разница? — Фом почти улыбнулся, но улыбка вышла грустной. — Здоровье важнее. Давайте, товарищ майор. Я быстро.

Фом вышел из камеры. Технически это был побег. По инструкции — стрелять на поражение. Но никто не побежал

за ним, никто не крикнул «Стоять!». Петров, тот самый сержант с вышки, просто протянул Фому фонарик.

— Свети лучше, а то майор плохо видит, темно тут.

Фом взял фонарик, опустил на корточки перед Сорокиным. Размотал бинт, осмотрел царапину, покачал головой. Достал из кармана тюбик с мазью, аккуратно нанёс, снова замотал — теперь уже чистыми руками, умело, будто всю жизнь этим занимался.

Руки у заключённого были твёрдыми, но бережными.

— Готово, — сказал Фом, поднимаясь. — До свадьбы заживёт.

— Спасибо, — тихо сказал Сорокин. И сам удивился этому слову.

— Не за что, — ответил Фом. Помолчал и добавил: — Извините.

— За что?

— За всё. — Фом отвёл взгляд. — За то, что я здесь. За то, что вы меня кормите, охраняете. Место занимаю. Людям из-за меня работать приходится.

Сорокин смотрел на него. В глазах Фома не было злобы, не было страха, не было даже привычной для заключённого настороженности. Только глубокое, въевшееся чувство неудобства от собственного существования. Он действительно стеснялся того, что живёт.

— Ты не можешь уйти, — сказал майор. — Закон.

— Я знаю. — Фом кивнул, соглашаясь. — Я и не прошусь.

Я просто... хочу быть полезным, пока здесь. Может, кухню помою? Или снег уберу во дворе? Руки есть, ноги есть. А то сижу, воздух порчу.

— Это работа вольнонаёмных.

— Им тяжело. Я вижу, они устают. А я тут без дела.

Сорокин понял, что колония больше не существует. Не в том смысле, что рухнули стены — стены стояли. Но исчезла причина, по которой они были построены. Нельзя держать в клетке того, кто сам не хочет выходить, потому что боится создать проблемы. Нельзя наказывать того, кто чувствует вину сильнее любого наказания.

— Возвращайся в камеру, Фом, — сказал Сорокин устало.

— Есть.

Фом вернулся внутрь, сел на шконку. Сорокин закрыл дверь, но не на ключ. Просто прикрыл, чтобы сквозняка не было.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, товарищ майор. Вы берегите себя.

Руку не мочите.

В коридоре было тихо. Где-то в конце барака заключённые делились сигаретами с конвоем, где-то охранники отдавали свои пайки тем, кто похудел. Система безопасности дала сбой. Не технический. Моральный.

В кабинете начальника колонии горел свет. Полковник Кравец сидел перед телефоном, глядя на аппарат так, будто

тот мог укунуть. На том конце провода был генерал ФСИН — человек, который ещё неделю назад орал так, что динамик дребезжал.

— Что происходит? — голос генерала звучал непривычно мягко, даже участливо. — Мне докладывают, что у вас нет изоляторов?

— Есть, товарищ генерал, — сказал Кравец, стараясь держать спину прямо. — Изоляторы на месте. Но они пустые.

— Куда делись заключённые?

— Они в бараках. Спят. Или... ну, помогают. Крышу ремонтируют, снег чистят.

— А охрана?

— Помогает им.

Пауза. Кравец слышал в трубке дыхание генерала — ровное, спокойное.

— Кравец, вы понимаете, что это бунт?

— Нет, товарищ генерал. Это... — Кравец запнулся, подбирая слово. — Это что-то другое. Они не бунтуют. Они просто... не хотят причинять друг другу боль.

— Введите режим ЧП. — Голос генерала чуть окреп, но всё равно звучал неубедительно. — Вызовите войска. Оцепите периметр.

— Кого вызывать? — Кравец вдруг почувствовал странную пустоту в груди. — Солдаты тоже... они не хотят стрелять. Я пытался отдать приказ часовому. Он сказал, что не может. Рука не поднимается. И я... я его не наказал. Не смог.

Генерал молчал долго. Кравец слышал, как на том конце провода кто-то тихо разговаривает, потом шаги.

— Держите периметр, — наконец сказал генерал. — Не выпускайте их.

— Они не просятся, товарищ генерал. — Кравец услышал в своём голосе нотки, которых раньше не было — усталость пополам с удивлением. — Они боятся, что снаружи кому-то будет хуже, чем здесь. Говорят, там люди, а они опасные. Здесь — спокойно.

— Это временно, — отрезал генерал без прежней уверенности. — Найдите причину. Найдите зачинщиков. Должен быть кто-то, кто всё это организовал.

— Нет зачинщиков, товарищ генерал. — Кравец посмотрел в окно. — Они всё сами.

Генерал положил трубку. Не бросил, не швырнул — просто положил.

Кравец посидел ещё минуту, глядя на затихший аппарат. Потом встал, подошёл к окну.

На дворе шёл снег. Крупные хлопья медленно опускались на землю, укрывая колючую проволоку белым, чистым слоем. Внизу, у штаба, заключённые и охранники вместе убирали снег. Кто-то смеялся. Не злобно, не нервно. По-настоящему.

Кравец почувствовал, как внутри поднимается тёплое, размягчающее чувство. Ему захотелось выйти туда. Взять лопату. Помочь им. Улыбнуться. Сказать, что он хороший

начальник, что он всё понимает, что теперь всё будет по-другому.

Он с силой сжал край подоконника, впиваясь ногтями в пластик.

— Нет, — прошипел он сквозь зубы.

Он понимал: это конец. Не колонии — конец системы. Если нельзя наказывать, если нельзя защищать границы силой, если невозможно сказать «нельзя» и сделать так, чтобы это слово имело вес... То кто будет держать этот мир? Кто остановит тех, кто захочет разрушить?

Кравец открыл ящик стола. Там, на кипе бумаг, лежал табельный пистолет — тяжёлый, холодный, старый знакомый. Он взял его, сам не понимая зачем. Может, чтобы защититься от себя. Потому что ему самому отчаянно хотелось выйти туда, в снег, к этим людям. Быть добрым. Быть частью этого тёплого, смертельного роя, который засасывал всех, кто терял бдительность.

Пистолет был якорем. Напоминанием, кто он такой.

Кравец положил оружие обратно. Закрыв ящик. Сел за стол.

В окно летел снег.

Где-то внизу смеялись люди, забывшие, что они враги.

За тысячу километров от колонии, в обычном спальном

районе Самары, Алексей Самойлов стоял у банкомата. Он вставил карту, ввёл пин-код и запросил наличные, но экран мигнул и выдал ошибку: «Лимит исчерпан». Алексей посмотрел на чек — сегодня он ничего не снимал. Вообще за последние три дня — ни одной операции.

Он зашёл в отделение банка, хотя обычно пользовался только терминалами. Внутри было пусто и тихо. Кассирша, девушка с неестественно широкой, пластмассовой улыбкой, посмотрела на него с сочувствием.

— Не переживайте, это технический сбой. Мы сами переведём. Сколько вам нужно?

— Мне нужна моя зарплата. — Алексей старался говорить спокойно, но в голосе проскочили жёсткие нотки. — Которая лежит на моём счету.

— Зачем вам зарплата? — Она искренне удивилась, будто он спросил дорогу на Луну. — У нас денег много. В кассе. Возьмите сколько надо, мы запишем.

— Это будет воровство.

— Нет. — Она покачала головой, словно объясняя ребёнку прописные истины. — Воровство — это когда жадничают, когда берут лишнее. А мы делимся. Вы же человек, вам нужно.

Алексей вышел на улицу, даже не попрощавшись. В кармане лежали ключи от квартиры, но привычного веса они не имели. В голове стучала одна мысль, простая и страшная: система не работает. Деньги потеряли функцию. Законы —

силу. Мир превращался в огромную коммуны, где никто не хотел быть взрослым. Все хотели отдавать, но если все отдают — кто берёт? Если все прощают — кто отвечает за последствия?

В подъезде он встретил соседа с третьего этажа. Того самого, который обычно орал на детей за шум в выходные. Сейчас сосед стоял на лестничной клетке с тяжёлым пакетом продуктов, из которого торчали батоны и зелень, и выглядел растерянным.

— Лёша, — сказал сосед, увидев его. — Возьми. Мне много дали. Я не съем, пропадет.

— У меня есть еда. — Алексей попытался пройти.

— Ну возьми. Пожалуйста. — В голосе соседа появилась почти мольба. — Мне будет неприятно, если я не отдам. Я буду думать об этом, понимаешь? Всю ночь не усну.

Алексей посмотрел на пакет. В глазах соседа читалась не щедрость — тревога. Ему было физически плохо от того, что у него есть лишнее, что кто-то рядом может нуждаться, пока у него в руках тяжёлый пакет.

Алексей взял пакет.

— Спасибо, — сказал он сухо и пошёл вверх по лестнице, чувствуя спиной взгляд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.